

Чжэн Шаньцы на мгновение замер, решив, что ослышался. Сердце в груди пустилось вскачь. С трудом скрывая смятение, он негромко кашлянул:

— Что за бесстыдства ты несёшь... Я пойду умоюсь.

Он убеждал себя, что Юй Ланьци просто привык к нему за время их совместного пути и теперь путает обычную привязанность с любовным влечением. Шаньцы не мог позволить себе воспользоваться слабостью супруга — он хотел дождаться момента, когда тот примет решение осознанно, на ясную голову.

«Если и тогда он захочет быть со мной, — подумал Шаньцы, — то и я, пожалуй, буду только рад»

Оказавшись в мыльне, Чжэн Шаньцы почувствовал, как к лицу прилила жара. Он сбросил нижние одежды и погрузился в бадью с водой, но мысли его всё ещё пылали, словно готовый к извержению вулкан. Чувства, которые он так долго подавлял, рвались наружу.

«Он ведь мужчина...»

Шаньцы никогда никого не любил. Мысль о том, что Ланьци — мужчина, на мгновение заставила его заколебаться. Окружённый густым паром мыльни, он прикрыл лицо ладонью и тяжело вздохнул.

Попробовать?

И как же именно он должен был это «попробовать»?

Пока Шаньцы, подобно дезертиру, спасался бегством, Юй Ланьци в негодовании ударил кулаком по кровати. Дерево отозвалось жалобным скрипом. Он ведь сказал такие вольности, а муж даже бровью не повёл!

Ланьци до смерти хотелось схватить этого своего нового муженька за шиворот, заставить его раздеться и наконец-то дать им обоим желанную разрядку. В поместье хоу Чанянь нравы были строгими, и юноша мало что смыслил в подобных делах, лишь мельком читал в запретных романах, что это приносит несказанное удовольствие.

Вспомнив, что в день свадьбы сваха передала ему какой-то альбом, Ланьци, преодолевая слабость, потянулся к прикроватной тумбе.

Цзинь Юнь и впрямь сложил все вещи в идеальном порядке. Там лежал неоконченный

вышитый платок, книги Шаньцы... Юноша выудил томик без названия на обложке.

«А сам-то, небось, зачитывается!»

Шаньцы вёл себя как праведный монах, хотя перед ним был молодой и прекрасный гэ'эр. За эти месяцы Ланьи успел понять, что в сердце мужа никого нет, но и к нему тот не проявлял плотского интереса.

Когда Чжэн Шаньцы вышел из мыльни, Ланьи окинул его придирчивым взглядом с головы до ног. От этого пристального взора едва остывшее тело Шаньцы снова начало охватывать тепло. Он небрежно поправил длинные влажные волосы.

В древние времена уход за волосами был делом хлопотным, поэтому в свободное время Шаньцы просто перевязывал их лентой. Лишь отправляясь в управу или по делам, он одевался со всей строгостью, подобающей чиновнику. Дома же он позволял себе расслабиться.

Привыкнув к тому, что в постели он теперь не один, Шаньцы уже не чувствовал неудобства, деля ложе с супругом. Однако этим вечером атмосфера была особенно неловкой.

— Я задую свечу? — спросил он.

— Я хочу ещё почитать, — отозвался Ланьи. — Позже задуешь.

Шаньцы кивнул и тоже взял книгу с тумбочки. Устроившись на подушках и укрывшись одеялом, он наконец почувствовал долгожданный покой.

Шорох переворачиваемых страниц доносился до Ланьи, заставляя его сердце биться чаще. Юноша заметно нервничал; лицо его пылало, а дыхание стало тяжёлым, пока он судорожно сжимал в руках альбом без обложки.

Шаньцы читал «Книгу ритуалов». Ещё во времена Чуньцю было сказано: «Ритуалы Чжоу хранятся в Лу», и по сей день нормы морали и этикета пронизывали все сферы жизни Великой Янь. Даже здесь, в пограничном Синьфэне, к учёности и приличиям относились с большим почтением.

Оторвав взгляд от текста, Шаньцы заметил, что Ланьи захлопнул свою книгу. Взгляд мужа скользнул по обложке — на ней не было ни единого знака.

— Что-то не так? — он отложил «Книгу ритуалов» на колени и коснулся лба супруга, всё ещё тревожась о его здоровье.

— Шаньцы, ты только посмотри на эту книгу... Я нашёл её в тумбочке.

«В тумбочке?»

Шаньцы помнил, что складывал туда только свои книги. Неужели Ланьи купил сегодня какой-то новый роман?

Сгорая от любопытства, он взял альбом и наугад открыл страницу. Там мужчина прижимал гэ'эра к дверному косяку в весьма недвусмысленной позе.

Э-это... это что ещё за картинки?!

Тут Шаньцы вспомнил: за несколько дней до свадьбы сваха вручила ему этот «обучающий» альбом. Будучи человеком дотошным, он тогда просмотрел его до конца, но больше возвращаться к подобному не собирался и просто засунул его куда-то с глаз долой. Кто же знал, что он окажется именно в этой тумбочке!

— Тебе нельзя это смотреть! — выпалил он, густо покраснев.

Ланьи скрестил руки на груди и вызывающе посмотрел на него:

— Это ещё почему? Значит, тебе можно, а мне нельзя? Где тут справедливость? Ты просто лицемер!

От этих слов Шаньцы крепко сжал альбом в руках и вскинул взгляд на супруга. Тот, заметив замешательство мужа, лишь вздёрнул подбородок, а в его глазах заплясали озорные искорки.

«Он это специально?!»

Сгорая от стыда, Шаньцы попытался объяснить:

— Сваха дала мне это перед свадьбой, тогда я и посмотрел... С тех пор ни разу не открывал, просто бросил в тумбочку. Видать, ты сам её выудил, а я и знать не знал.

Ланьи и слушать не хотел оправданий.

— Я нахожу эти рисунки весьма посредственными. Гэ'эр на картинке и вполнину не так хорош, как я. У тебя явно плохой вкус.

Шаньцы лишился дара речи.

Ланьи и впрямь был ослепительно красив, особенно сейчас, в мягком свете свечи. Муж замер, не в силах отвести глаз: белизна кожи юноши в полумраке напоминала чистейший снег.

— Шаньцы, ты... — Ланьи не успел договорить.

Массивная тень нависла над ним.

Забывая «Книга ритуалов» и злополучный альбом соскользнули на пол. В ярком свете свечи их лица были совсем рядом. Шаньцы перехватил ладонь Ланьи, и когда тот начал невольно сползать по подушкам вниз, муж властно обхватил его за талию другой рукой.

Ланьи не успел опомниться. В его глазах промелькнул испуг, но он не стал сопротивляться — напротив, он расслабил пальцы, позволяя ладони Шаньцы плотно прижаться к своей.

Жар охватил их обоих, словно степной пожар. Шаньцы, не замечая ничего вокруг, смотрел в глаза Ланьи. Тот не отводил взгляда, и в этой немой дуэли плескалось нескрываемое пламя. Муж тяжело выдохнул и медленно склонился к лицу супруга.

Длинные ресницы Ланьи дрогнули, их дыхание переплелось, и юноша зажмурился в предвкушении. Шаньцы замер. Он не мог позволить себе потерять голову. Взгляд его потемнел. Он запечатлел лишь невесомый поцелуй на лбу Ланьи, а затем — на его веках. Это было так нежно, словно лёгкое перышко коснулось самого сердца.

Ланьи невольно улыбнулся, уголки его губ дрогнули.

«Такая сдержанность... Это так на него похоже...»

Шаньцы не сводил глаз с лица супруга. Склонившись, он прижался щекой к его щеке, и его губы коснулись уха Ланьи. Он всё же позволил себе короткий поцелуй, едва сдерживая порыв. Влажное, прерывистое дыхание выдавало их общее смятение.

Ланьи открыл глаза и попытался нащупать спину Шаньцы — кожа того была влажной от пота. Муж тут же отстранился.

— Спи. Тебе нужен покой, чтобы выздороветь, — отрезал Шаньцы.

Ланьи чуть не задохнулся от возмущения.

— Шаньцы, ну ты и... — он едва не выругался, скрипнув зубами.

— Ты ещё мал, — голос Шаньцы, казалось, вновь обрел чистоту и даже лёгкую смешинку. — Я задую свечу.

Не дожидаясь ответа, он погасил огонь. Комната погрузилась во тьму, слышался шорох —

муж укладывался на свою половину.

Ланьи кипел от злости. Опять он говорит, что он «мал»! Гэ'эры в шестнадцать уже всю выходят замуж, какой же он маленький? В порыве мести юноша наугад протянул руку и накрыл ладонью лицо Шаньцы. Он и сам не знал, что делать дальше, поэтому просто осторожно ущипнул мужа за переносицу.

«Такая высокая... И в кого он такой?»

Пальцы скользнули ниже, коснувшись губ — тонких и горячих. Шаньцы не шевелился, не пытаясь его остановить. Юноша набрался храбрости и кончиком пальца приоткрыл губы мужа. Им двигало чистое любопытство.

Шаньцы закрыл глаза. В неверных тенях ночи его профиль казался ещё более благородным.

Внезапно он чуть высунул кончик языка и лизнул палец Ланьи.

Тот вскрикнул от неожиданности и мгновенно отдернул руку. Ощущение влажного тепла всё ещё жгло кожу. Ланьи замер, густо покраснев в темноте. Больше он не смел дразнить мужа. Сжимая одеяло, он ошеломлённо уставился в потолок. Сердце колотилось в груди, а разум застилал дурман.

Вскоре сон сморил его.

На следующее утро Ланьи, лёгший поздно, проснулся рано. Чжэн Шаньцы в это время уже надевал чиновный халат. Юноша притворился спящим, но едва супруг отвернулся, приоткрыл один глаз, наблюдая за ним. Когда муж начал поворачиваться, юноша поспешно зажмурился, делая вид, что крепко спит.

Шаньцы лишь подошёл, заботливо подоткнул ему одеяло и вышел. Сегодня он решил поручить текущие дела помощнику начальника уезда Ци, а сам вместе с регистратором Цзяном отправился осматривать земли.

В управе Чиновник Ци, выслушав распоряжение, бросил хмурый взгляд на регистратора Цзяна, но тут же расплылся в улыбке:

— Господин Чжэн поистине печётся о благе народа. Не извольте беспокоиться, я исполню всё в лучшем виде.

Цзян внутренне напрягся, но Шаньцы лишь улыбнулся в ответ:

— Я всегда полагаюсь на вашу надёжность, господин Ци. Сегодня я лишь хочу составить общее представление о делах. Управе нужен твёрдый руководитель, и когда вы на месте — моё сердце спокойно.

После таких слов даже Чиновник Ци не мог продолжать хмуриться. Его лицо разгладилось, а голос стал мягче:

— В Синьфэне нынче ветрено, летит песок. Будьте осторожны, господин Чжэн.

Шаньцы кивнул и вышел из управы в сопровождении Цзяна и нескольких стражников. Едва они оказались на улице, регистратор Цзян оживился:

— Господин Чжэн, нашему уезду подчиняются четыре больших города: Цзиньсин, Хуа, Дунъань и У. Самый процветающий из них — Цзиньсин. Песчаные бури там — редкость, налетают разве что летом или осенью, так что земля там плодородная. В основном там выращивают овощи и рис. Большую часть зернового налога мы получаем именно из Цзиньсина.

Налоги в Великой Янь платили зерном, что для засушливого Синьфэна было немалой трудностью.

— В остальных трёх городах песка куда больше, а хуже всего дела обстоят в У, — со вздохом продолжал регистратор. — Когда-то и город У процветал, там было большое озеро. Но как только оно пересохло, пески начали наступать. Теперь это самое засушливое место в округе.

Шаньцы надел защитную маску, и процессия направилась в Цзиньсин. В пути он внимательно наблюдал за полями. Шла жатва, и земля была усеяна людьми. Мужчины с обнажёнными торсами, согнувшись, срезали пшеницу серпами. Рядом с ними трудились четверо парней — видать, сыновья.

— Время урожая, народ трудится не покладая рук, — заметил Цзян.

Шаньцы сошёл на обочину, сорвал колосок и растёр его в ладонях. Крестьяне в поле замерли, со страхом глядя на чиновников в официальных халатах. Зёрна были мелкими и сухими, аромат хлеба — едва уловимым. Совсем не то зерно, что он привык видеть в других краях. Мужчина присел, копнул пальцами землю и растёр комок между пальцами.

Плодородный слой превращался в пыль, влага и питательные вещества уходили из почвы. Он обратился к стоявшему рядом старику:

— Почтенный, вы каждый год сеете здесь зерно?

Старик в испуге затараторил:

— Отвечаю господину начальнику! Каждый год сеем, не ленимся! Налоги платим вовремя, мы люди честные, законопослушные!

— И каждый год только пшеницу? Больше ничего?

Старик затряс головой:

— Не смеем, господин! В нашем Цзиньсине только пшеница и растёт, за другое и поплатиться можно, если поймают.

Регистратор Цзян поспешил объяснить:

— Почва Цзиньсина лучше всего подходит для пшеницы. В других городах урожаи совсем скудные, поэтому весь налог ложится на плечи здешних крестьян. Если зерна не хватает, мы присылаем людей докупать его, причём цену не сбиваем.

Шаньцы кивнул:

— Хорошо. Спасибо вам за ваш труд.

Старик лишь замахал руками, не смея и слова вставить:

— Служить государству — наш долг.

Шаньцы осмотрел ещё несколько полей — везде одна и та же картина: истощение земель. Он заметил, что в Цзиньсине почти не сажали деревьев, кругом лишь голая степь. Сегодня он надел чиновный халат, чтобы официально представиться, но на будущее решил: нужно ездить в простом платье.

«Завтра же сменю наряд»

В следующий раз он отправился в город Хуа в обычном платье. Земли в Хуа и Дунъане были схожи, как и в городе У. Здесь выращивали перец, арахис, зимние дыни и сою. Кое-где попадались финиковые рощи, но плодов едва хватало на нужды самого уезда.

Перец мололи в порошок или сушили, чтобы продать в соседний уезд Лань. Арахис вывозили целыми возами. Но дохода от этого едва хватало на пропитание — ценности в таком товаре было мало, просто на этих песках больше ничего не росло. Продав урожай, крестьяне тратили остатки денег на покупку пшеницы, чтобы выплатить налоги.

Так и тянулась их жизнь: тяжёлый труд изо дня в день, а в кошельке — ни гроша.

Шаньцы спросил:

— А почему вы не давите из арахиса масло? Оно ведь стоит дороже.

Цзян призадумался:

— Маслобоен в Синьфэне мало, а за работу они берут дорого — народу не под силу. К тому же везти масло в другие края накладно. Проще продать арахис возами — в городе есть специальные скупщики.

К полудню они добрались до города У. В маленькой деревушке из труб домов вился дымок. Регистратор Цзян предложил:

— Господин Чжэн, давайте зайдём в какой-нибудь дом. Попросим хозяев накормить нас, заплатим — они и рады будут.

— Делать нечего, так и поступим.

Регистратор зашёл в один из дворов и вскоре вернулся с улыбкой:

— Всё улажено, господин.

Шаньцы вошёл во двор. Часть территории была отгорожена под кур и уток, в углу рос зелёный лук. Тётушка Ли, робко озираясь, прибирала стол. Вид восьмерых мужчин внушал ей трепет, и Шаньцы, заметив её страх, невольно пожалел о своём решении. Из дома донеслось блеяние — видать, держали и коз.

— Почтенная, не бойтесь. Мы торговцы, проезжали мимо и проголодались. Простите, что беспокоим.

— Вы ведь заплатили, так что кушайте на здоровье, — тётушка Ли немного успокоилась. — Еда у нас простая. Сейчас сын с невесткой на кухне приготовят что-нибудь посерьёзнее.

Шаньцы приметил во дворе стопку кирпичей:

— Ваша семья занимается обжигом?

Хозяйка вздохнула:

— Это муж покойный этим промышлял. Теперь его нет, вот и лежат без дела. Бывает, соседи возьмут парочку дыру в стене подлатать — и то польза.

«Надо же было так неудачно начать разговор» — внутренне поморщился Шаньцы.

— Простите, что напомнил о печальном. Сколько человек в вашей семье? Только землёй кормитесь?

— Только я да внук маленький. Старшие сыновья давно ушли в солдаты... Лишь младший вернулся несколько лет назад, да и тот калека. Месяц назад наскребли денег, женили его, теперь вот только на свои пять му земли и надеемся. В страду-то ладно, а как работа кончится — хотел он в город податься, да кто ж хромого возьмёт? Ни грамоты не знает, ни силы в нём нет.

В голове Шаньцы начал созревать план.

— Еда готова!

Сын хозяйки и его Фулан Ли внесли блюда. Это была простая деревенская еда: жареные бобы, яичница, да несколько ломтиков колбасы, которая выглядела весьма аппетитно. Шаньцы попробовал — колбаса оказалась острой и пряной.

— Очень вкусно, — искренне похвалил он.

Вся семья Ли облегчённо выдохнула. Пообедав, Шаньцы невольно засмотрелся на изувеченную ногу парня. Тот, заметив пристальный взгляд, смутился и явно обиделся, но не посмел перечить. Было ясно, что этот молодой господин здесь главный, да и его спутник сразу выложил целый лян серебра.

Шаньцы спохватился, поняв, что ведёт себя бестактно:

— Простите мне мою навязчивость. У моего старшего брата тоже проблемы с ногами, вот я и вспомнил о доме, глядя на вас.

Парень немного смягчился:

— И ваш брат ранен? Мою-то ногу не спасли — лечить было не на что. У брата такого господина наверняка всё было иначе.

— Я ничем не лучше вас, моя семья — обычные крестьяне, — он улыбнулся, поймав на себе удивлённый взгляд парня. — Брат тянул на себе всё хозяйство. Пока я учился, он надрывался на заработках, там и покалечился. Я до сих пор чувствую вину перед ним.

— Значит, его труды были не напрасны, — помолчав, ответил сын Ли.

— Время позднее, пора в путь. Спасибо за гостеприимство, — Шаньцы поднялся.

Сидя в повозке, он размышлял. Теперь он имел представление о землях Синьфэна. Продавать сырьё — дело убыточное, но если наладить переработку, доход вырастет в разы. В следующем году в Цзиньсине нельзя сеять пшеницу. Нужно чередовать культуры.

Деревня Цинсян

Едва в деревню пришло письмо от Чжэн Шаньцы, как к дому Чжэнов потянулись местные богатеи и торговцы. Несли подарки, пытались завязать знакомство; даже из города приезжали знатные люди. Порог дома был буквально истоптан. Многие сватались к Чжэн Цинъюю, соловьями рассыпались в похвалах, а свахи и вовсе плели такие небылицы, что слушать было тошно.

Отец Чжэна лишь отшучивался и всем отказывал. Что они, простые пахари, в этом смыслят? Пусть лучше сын приедет да сам решит. Цинъюнь целыми днями прятался в доме, ища покоя. Отец и Фулан Чжэн были людьми рассудительными. Подарков от богатеев не принимали — боялись, как бы их корысть не навредила сыну-чиновнику.

— Опять привезли: жемчуг, золото, даже живых гусей... — судачили деревенские.

— И как только старик Чжэн держится? У меня бы глаза разбежались.

Лишь спустя полмесяца суета поутихла.

— Шаньчэн, — сказал Фулан Чжэн, закрывая окно. — Сходи завтра с Гэ'эр Линем, купите хлопка. С жатвой скоро покончим, в свободное время займёмся зимними одеждами.

Чжэн Шаньчэн кивнул. Гэ'эр Линь осторожно спросил:

— Папа, а мы к младшему брату не поедем?

Цинъюнь, доедая баклажан, молча прислушивался.

— Я всё в сомнениях, — отозвался Фулан Чжэн. — До Синьфэна путь неблизкий. Да и кто знает, какой характер у этого гэ'эра из поместья маркиза... К тому же сейчас самая страда, нельзя бросать поле и ехать.

Отец Чжэна возразил:

— По совести говоря, навестить его надо. Думаю, нам, старикам, ехать не стоит, а вот Шаньчэн с Линем — обязательно. И Циньиня надо взять. Женихи здешние — люди ненадёжные. Пусть у брата в уезде присмотрится к приличным людям. Мы-то свой век тут доживём, а молодым полезно мир повидать.

Шаньчэн отложил палочки:

— Отец, как же мы вас оставим? Вдруг кто обидит?

— Да что ты такое говоришь! — рассмеялся старик. — Теперь все знают, что мой сын — начальник уезда, кто ж посмеет нас тронуть? Так что не ворчи, поезжай в Синьфэн.

Гэ'эр Линь поддержал его:

— Поедем всей семьёй, навестим брата. Если не приживёмся — вернёмся.

Циньинь крепко сжал палочки. Брат с невесткой всё ещё убеждали родителей, а у него самого сердце бешено колотилось, а к горлу подступил комок. Он отложил еду и тихо сказал:

— Отец, я, пожалуй, не поеду. Останусь в деревне, присмотрю за вами. Вам ведь тоже помощник нужен.

<http://bllate.org/book/15809/1433323>